

На правах рукописи

Борисов Денис Алексеевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА (1996 – 2010 гг.)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре Всеобщей истории, историографии и источниковедения

ГОУ ВПО «Новосибирский Государственный Педагогический Университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Ивонина Ольга Ивановна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Лицарева Елена Юрьевна
кандидат исторических наук
Долгушев Дмитрий Валерьевич

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»**

Защита состоится 25 ноября 2011 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, ауд.41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г.Томск, пр.Ленина, 34а).

Автореферат разослан 14 октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется потребностью в выявлении закономерностей становления и развития политики безопасности ШОС в контексте взаимодействия всех акторов международных процессов в Центральной Азии. Выявление этапов эволюции политики безопасности в рамках ШОС и сформировавшихся на ее основе комплексов межгосударственных взаимодействий необходимо для выстраивания системы координат, позволяющей давать взвешенные, свободные от влияния политической конъюнктуры, оценки и прогнозы дальнейшего развития Организации.

На рубеже XX–XXI вв. понимание безопасности подверглось серьезной трансформации. Под влиянием новых вызовов и угроз менялась структура международной безопасности. Возросла роль международных институтов в жизни мирового сообщества и в формировании повестки дня глобальной безопасности. В этом контексте всестороннее изучение вклада международных организаций в осмысление проблем международной безопасности обуславливает значимость темы исследования, позволяя выявить новые механизмы обеспечения безопасного и устойчивого развития стран-членов ШОС.

Степень научной разработанности проблемы. Традиционные подходы к изучению политики безопасности как приоритетного направления внешнеполитической стратегии государств демонстрируют работы представителей школы «Real Politik»: А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, М.А. Хрусталева, В.Н. Коньшева, Р. Арона, Г. Моргентхау, А. Уолферса, Дж. Грико, Дж. Миршаймера, Р. Кребса, Б. Бьюзана¹.

Повышенный интерес к деятельности международных организаций военно-политического характера, способных формировать системы региональной и глобальной безопасности, свойственен школе функционального институционализма в лице П.А. Цыганкова, М.А.Хрусталева, Р. Аксельрода, Р. Кохейна, Дж. Мартча, Х. Хартендона, Дж. Ная, Х. Булла, А. Уотсона, И. Ньюмана, К. Липсона, А.М. Слэйтер. Новые оригинальные подходы к изучению международных межправительственных организаций отражены в работах Х. Альвареса, Я. Клабберса и немецких исследователей Ф. Риттбергера и Б. Зангла².

¹ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история международных отношений. М., 1999; Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Boulder, 1991; Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000; Grieco J. Cooperation among Nations. New York, 1993; Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. Chicago, 2001; Krebs R. Perverse Institutionalism. NATO and the Greco-Turkish Conflict // International Organization. 1999. Vol. 53. № 2. P. 343-377.

² Keohane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Portland, 1989; Axelrod R. Donnant-Donnant. Theorie du comportement cooperatif. Paris, 1992; Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006; Цыганков П.А. Международные отношения: Теории, конфликты, организации. М., 2004; Bull H., Watson A. The Expansion of International Society. Oxford, 1985; Хрусталева М.А. Основы теории внешней политики государства. М., 1984; Alvarez J. E. International Organizations as Law-makers. Oxford, 2005; Rittberger V., Zangl B. International Organization. Polity, Politics and Policies. New York, 2006.

Концепция «human security» как ключевое звено современной политики безопасности получила развитие в работах С. Н. Макфарлейна, Р. Пэриса, Т. Кэролин, Дж. Кинга, Б.Б. Гали, Р. Такура, Э. Ньюмана, Ф. Хэмсона, Т. Тоу, Р. Хейнбекера. А.А. Касьяновой, О.А. Колобова, Д.Г. Балугева³.

Обзор международных отношений и проблематика региональной безопасности в Центральной Азии затрагивается в общих работах историков-международников России, Китая, Европы, США и «новых» центрально-азиатских государств⁴.

Важными для данного исследования стали работы сравнительного характера: Р.В. Ильяхина, И.А. Колтакова, В.Д. Николаенко, Ю.А. Никитиной, А.С. В них осуществляется попытка разобрать и сопоставить деятельность в Центральной Азии различных механизмов региональной безопасности, предлагающие сходные с ШОС услуги по обеспечению безопасности на территории Центральной Азии. Мотивы и интересы НАТО в Центральной Азии, сущность программы НАТО «Партнерство ради мира» и политики США по отношению к странам ЦАР, входящим в состав ШОС, рассматриваются в работах Старр Ф., Дж. Дэвиса, М. Свиной, Дж. Сайтона, Шатц Э., Дж. Робертсона, Дж. Никола⁵.

Проблемы генезиса ШОС, институционального становления и взаимоотношениям между странами-членами организации рассматриваются в работах И.Н. Комиссиной, А.А. Куртова, Е.Ф. Троицкого, В.В. Вороновича, А.В. Баркова⁶.

³ MacFarlane S.N. Human security and the UN: a critical history. Bloomington, 2006; Thakur R., Newman E. New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance. Tokyo, 2000; Hampson F.O. Madness in the Multitude: Human Security and World Disorder. Oxford, 2002; Tow W.T. Asia's Emerging Regional Order: Reconciling Traditional and Human Security. New York, 2000; Колобов О.А. Безопасность личности, общества, государства. Н.Новгород, 2008; Балугев Д. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. 2003. №1. С. 95-105; Касьянова А.А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика // США и Канада: ЭПИ. 2002. №8. С. 36-53.

⁴ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М., 2011; Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М., 2005; Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М., 2007; Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008; Омаров Н.М. Международные отношения в эпоху глобального развития. Бишкек, 2003; Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009; Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф. Страны Содружества Независимых Государств и Балтии: Учеб. пособие. Томск, 2009.

⁵ Ильяхина Р.В., Колтакова И.А. Обеспечение коллективной безопасности государств-участников СНГ. М., 2006; Николаенко В.Д. Организация Договора о коллективной безопасности (истoki, становление, перспективы). М., 2004; Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС. Модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009; Davis J.K., Sweeney M. J. Central Asia in U.S. Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? / The Institute for Foreign Policy Analysis. Washington, 2004; Nichol J. Central Asia's Security: Issues and Implications for U.S. Interests. Washington, 2010; Schatz E. Anti-Americanism and America's role in Central Asia: The National Council for Eurasian and East European Research. Seattle, 2008; Starr F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors. Washington, 2005.

⁶ Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005; Е.Ф. Троицкий Становление и развитие шанхайской организации сотрудничества (2000–2007 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. №323. С. 180-182; Воронович В.В. Эволюция Шанхайской организации сотрудничества в контексте формирования азиатской системы безопасности // Журнал международного права и международных отношений. 2007. №2. С. 45-54; Барков А. В. Шанхайская организация сотрудничества // Московский журнал международного права. 2003. № 1. С. 262 – 271.

Различные аспекты военно-политического сотрудничества стран ШОС становились предметом анализа работ А.Г. Агафонова, А.Ф. Клименко, А. Л.Е. Васильева, В.В. Вороновича, Г. В. Кирсанова⁷.

Важно отметить деятельность двух российских центров, специализирующихся на проблематике ШОС: Центр стратегических проблем северо-восточной Азии и ШОС ИДВ РАН под руководством С. Г. Лузянина и Центр исследований Восточной Азии и ШОС при МГИМО под руководством А.В. Лукина. Под эгидой этих центров ведется работа по широкому спектру деятельности ШОС, ежегодно издается большое количество монографий, аналитических статей и специализированных сборников⁸.

Можно выделить некоторые национальные особенности в выборе тематики изучения ШОС. В центре внимания центрально-азиатских исследователей находятся проблемы геополитического положения стран ЦАР по отношению к России и Китаю, различные аспекты многосторонней дипломатии стран ЦАР в формате ШОС, включая проблемы энергетической и экологической безопасности, противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. Среди них можно отметить А.С. Каукунова, М.А. Казакпаева, М. Лаумулина, А. А. Князева, Н. Омарова, Е. Оразалиева, М. Суюнбаева, К. Л. Сыроежкина, Ф. Толипова⁹.

Китайская историография проблемы представлена работами Син Гуанчэна, Чжао Хуашэна, Пан Гуана, Ли Фэньлиня, Ся Ишаня. Основными приоритетами политики Китая по отношению к этой Организации авторы считают обеспечение интересов КНР в экономической и энергетической сфере, а также решение «уйгурской проблемы» с помощью ШОС¹⁰.

⁷ Агафонов Г.Д. Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М, 2008; Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М., 2009; Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы обороны и безопасности. М., 2008; Старчак М.В. Шанхайская организация сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Безопасность Евразии. 2006. №4 С. 32-40.

⁸ С.Г. Лузянин Россия и Китай в Евразии. М., 2009; Лукин А., Мочульский А. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2005. №4; Лукин А.В. Россия и ШОС // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2007. №6.

⁹ Каукунов А.С. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51); Лаумулин М. ШОС – «грандиозный геополитический блеф»? Взгляд из Казахстана // *Russie. Nei. Visions*. 2006. №12; Омаров Н. Эволюция и приоритеты деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества через призму национальных интересов Кыргызской Республики // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №2. С. 23 – 27; Толипов Ф. К вопросу о самостоятельной роли Организации центрально-азиатского сотрудничества в рамках ШОС. // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №3 (33). С. 169 – 180.

¹⁰ Син Гуанчэн ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №11. С. 71-76; Чжао Хуашэн Способны ли сотрудничать в Центральной Азии Китай, Россия и США // ШОС и ситуация в Центральной Азии. М., 2005. С. 53-67; Pan Guang A Chinese perspective on the Shanghai Cooperation Organization// SIPRI Policy paper No.17. 2007. p. 45-58; Сюй Тункай Реализация и углубление регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию. 2008. С. 100-104; Ху Хао Об актуальных вопросах продвижения экономического сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества и современный мир. М. 2007. С. 60-65; Чжан Венвэй Новое развитие и перспективы Шанхайской организации сотрудничества// ШОС и

Деятельность ШОС находится в центре внимания европейских и американских исследовательских центров международных отношений. Например, такие как: «Foreign Policy in Focus», «Heritage Foundation», Институт стратегических исследований Военного колледжа Вооруженных сил США, «Brookings Institution», Институт Центральной Азии и Кавказа, Школа продвинутых международных исследований Пола Нитца Университета Джонса Хопкинса, Стокгольмский институт исследований мира, Французский институт международных отношений, Нидерландский институт международных отношений «Клингендел», Центр славянских исследований при университете Хоккайдо¹¹.

В западной историографии можно выделить три подхода к Шанхайской организации сотрудничества. Большинство исследователей оценивают ШОС в контексте геополитического противостояния, называя ее «Восточным анти-НАТО». Исследования подобного типа концентрируются вокруг соперничества США и стран-участниц ШОС в сфере международной безопасности. Главные сюжеты этого подхода концентрируются вокруг вызов и возможных вариантов реакции Америки с учетом новых реалий в ЦА¹². Появление Ирана в рядах стран-наблюдателей ШОС привело к появлению оценок ШОС как «энергетического клуба монополистов» по типу ОПЕК¹³.

Противоположного мнения о роли ШОС в создании региональной системы безопасности в Центральной Азии придерживаются Э. Фейгенбаум, Е. Вишник, С. Хоффман, которые скептически оценивают жизнеспособность Организации и перспективы ее общей внешней и военной политики¹⁴.

Ряд ученых рассматривает ШОС в фарватере полицивилизационной модели международного устройства в качестве организации нового типа, построенной на принципах суверенного равенства и толерантности, отвечающей стандартам многополюсного мира. Авторы приходят к выводу, что ШОС не представляет реальной угрозы Западу, но ее

ситуация в Центральной Азии. М., 2005. С. 13-17.

¹¹ Hallinan C. A New Cold War? // Foreign Policy in Focus. Washington, 2008; Peter Brooks Club For Dictators: An ugly agenda for Asia. URL: <http://www.heritage.org/Research/Commentary/2006/06/Club-For-Dictators-An-ugly-agenda-for-Asia>; Weitz R. China-Russia security relations: strategic parallelism without partnership or passion? Washington, 2008; Bates G. Shanghai Five: an attempt to counter U.S. influence in Asia? URL: http://www.brookings.edu/opinions/2001/0504chi_na_gill.aspx; Blank S. China's "peaceful rise" in Central Asia. URL: <http://www.cacianalyst.org/?q=node/5088>; Bailes A.J. The Shanghai cooperation organization // SIPRI Policy paper No.17. Stockholm, 2007; Aris S. Russian-Chinese Relations Through the Lens of the SCO. Paris, 2008; Marcel de Haas The Shanghai Cooperation Organisation and the OSCE: Two of a kind? // Helsinki Monitor: Security and Human Rights 2007. №3. P. 246-259; Iwashita A. Toward a New Dialogue on Eurasia: The Shanghai Cooperation Organization and Its Partners. Sapporo, 2007.

¹² Alison R. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // International Affairs. 2004. Vol. 80 No. 3. P. 463-483; Murphy T. East of the Middle East: The Shanghai Cooperation Organization and U. S. Security Implications. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/cdi1000/index.html>.

¹³ Brummer M., The Shanghai Cooperation Organisation and Iran: a powerful union // International Affairs, 2007. URL: <http://web.ebscohost.com/ehost/detail?vid=1&hid=106&sid=2e4710d6-5a6d-4257-ad37>.

¹⁴ Feigenbaum E. The Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia. URL: <http://merln.ndu.edu/archivepdf/centasia/State/91858.pdf>.

деятельность подрывает монополизм ценностей трансатлантического сообщества, навязываемых ЦАР¹⁵.

В целом усилиями отечественных и зарубежных историков международных отношений сформировано обширное поле исследований деятельности ШОС в Центральной Азии, однако комплексные работы, посвященные эволюции политики безопасности Организации, отсутствуют. Оценки деятельности ШОС зачастую противоречивы, а специальные исследования данной проблемы эпизодичны и не всегда репрезентативны. Это делает востребованным исторический анализ эволюции политики безопасности ШОС с учетом классических и современных концепций истории международных отношений.

Целью диссертационного исследования является выявление факторов, закономерностей, основных этапов становления и развития политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) выявить гносеологически и эвристически значимые положения основных школ истории международных отношений, применимые к изучению ШОС как международного института нового типа;

2) провести сравнительный анализ подходов к изучению новых парадигм международной безопасности, акцентируя внимание на концепции безопасности личности (human security);

3) разработать периодизацию основных этапов развития политики безопасности ШОС, обусловленную изменением международной среды и внутренней логикой развития Организации;

4) выявить соотношение традиций и новаций в понимании безопасности ЦАР и средств ее реализации членами ШОС;

5) показать конкурентные преимущества ШОС на региональном рынке услуг безопасности относительно других международных институтов (НАТО, ОБСЕ, ОДКБ), которые возникают в процессе реализации участниками ШОС доктрины Human security.

Объектом диссертационного исследования является Шанхайская организация сотрудничества как многопрофильная региональная организация «нового типа».

Предметом исследования выступает процесс эволюции политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества, начиная с 1996 г.

Хронологические рамки исследования охватывают три периода. Первый длился с 1996 по 2001 гг., когда была создана «Шанхайская пятерка» для решения пограничных

¹⁵ Lanteigne M. The Development of the Shanghai Co-operation Organization as a Security Community // Pacific Affairs. 2006. Vol. 79, No. 1. P. 605-623; Cooley A. The Rise of the Shanghai Cooperation Organization: Western Perspectives». URL: <http://www.barnard.edu/polisci/faculty/cooley.html>.

споров. В это время началось формирование многопрофильного механизма евразийского сотрудничества, основой которого стало успешное разрешение территориальных споров между бывшими республиками СССР и КНР.

Следующий период – с 2001 по 2006 гг. – характеризовался институционализацией «Шанхайского процесса» и его трансформацией до уровня Шанхайской организации сотрудничества. Приоритет антитеррористического направления деятельности ШОС на этом этапе сопровождался созданием региональной антитеррористической структуры и практикой региональных командно-штабных и антитеррористических учений среди военных подразделений стран-участниц Организации.

Третий период эволюции политики безопасности ШОС начался в 2006 году. С этого времени наблюдалось планомерное изменение подходов к пониманию новой природы региональной безопасности и способов ее обеспечения, нашедшее отражение в повестке дня ШОС. Правовое и практическое развитие получили такие направления политики безопасности, как борьба с чрезвычайными ситуациями, сотрудничество в сфере образования и здравоохранения, экологии и других сегментах Human security.

Территориальные рамки исследования определяются составом Организации, постоянными членами которой являются Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан; статусом наблюдателей обладают Индия, Иран, Монголия, Пакистан; партнерами по диалогу выступают Белоруссия и Шри-Ланка. Территориальный состав ШОС во многом совпадает с определением границ ЦАР ЮНЕСКО, получившим распространение термином «Большая Центральная Азия».

Теоретико-методологическая основа исследования строится на общенаучных принципах объективности, анализа, синтеза, системности, историзма, которые позволили автору рассмотреть воздействие на политику ШОС политических, социальных и экономических процессов современности, раскрыть закономерности развития самой Организации и эволюции ее подходов к обеспечению безопасности на основе широкого круга верифицированных источников.

В качестве специальных методов применялись методы исторической науки: историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический методы, проблемно-хронологический. Использование сравнительно-исторического метода позволило выявить уровни и тенденции развития политики безопасности, проводимой странами ШОС, проследить взаимосвязь доктрины безопасности, принятой на вооружение ШОС, с общемировыми тенденциями становления концептуальных основ всеобщей и региональной безопасности. Историко-генетический и историко-сравнительный методы способствовали исследованию поставленных проблем в хронологической последовательности, выявлению

специфики деятельности этой организации сравнительно с другими международными институтами. Историко-типологический метод позволил классифицировать деятельность ШОС и выделить из многообразия изучаемых событий и процессов внутреннее единство и проявление общих закономерностей в эволюции деятельности ШОС. Проблемно-хронологический метод позволил разделить историю становления и развития ШОС на отдельные этапы и рассмотреть в хронологической последовательности проблематику концепции безопасности ШОС на каждом из них.

В исследовании процесса эволюции политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества применялись методы, используемые историками международных отношений, нашедшие отражение в работах основоположников и последователей различных школ изучения межправительственных организаций и международной безопасности, значимость которых подтверждена в исторической науке, а применимость для интерпретации предмета исследования представляется адекватной. В частности, при рассмотрении различных аспектов деятельности Шанхайской организации сотрудничества использовались дискурсивные практики функционального институционализма и структурализма, теория рационального выбора и «баланса сил».

Источниковая база включает официальные документы и материалы делопроизводства ШОС, законодательные акты, документы внешней и оборонной политики государств-членов ШОС, материалы периодической печати, справочную литературу и статистические данные. Используемые в работе источники можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе источников относятся публикации и документы Программы Развития ООН, в частности, Доклады о развитии человека за 1990-2010 гг., исследования различных независимых центров изучения и развития Human security: Центр изучения неравенства и безопасности личности при Оксфордском университете Великобритании и Центр «Проект безопасность личности» при университете Симона Фрейзера (Канада). Материалы из этих источников помогли воссоздать историю становления новой концепции безопасности, выявить основные общемировые направления развития концепции Human security. Информация, представленная в этих докладах, охватывает широкий спектр показателей по каждой стране, которые составляют Индекс человеческого развития и помогает объективно оценить ситуацию с обеспечением Human security в ЦАР. К этой же группе источников можно отнести информацию, размещенную на сайтах внешнеполитических ведомств стран-лидеров продвижения концепции личностной безопасности - Канады, Норвегии и Японии. Материалы из этих ресурсов способствовали сравнительному анализу различных подходов и страновых особенностей в осуществлении концепции Human security .

Вторая группа источников состоит из официальных документов разного уровня. Межправительственные договоры, принятые в формате ШОС (Хартия ШОС, ежегодные декларации глав-государств членов ШОС, антитеррористическая конвенция), позволили выявить не только официальную позицию разных стран по вопросам развития Организации, но и определить характерные этапы в развитии концепции безопасности ШОС в целом.

Двусторонние и многосторонние договоры между странами-членами ШОС помогли уточнить специфику трансформации политики безопасности в регионе, определить лидеров этого процесса и их позиции в ходе формирования концептуальной основы системы безопасности ЦАР¹⁶. Договоры по поводу территориального размежевания между странами региона позволили оценить практические успехи политики безопасности ШОС на начальном этапе ее становления¹⁷.

Важным источником стали нормативно-правовые акты центрально-азиатских государств, России и Китая, затрагивающие предмет нашего исследования. Среди них особое место занимают документы, в которых декларируются национальные интересы и внешнеполитические приоритеты, формулируются цели и определяются инструменты внешней политики на ее отдельных региональных направлениях: стратегии национальной безопасности, военные и внешнеполитические доктрины¹⁸.

Третья группа источников включает в себя выступления, заявления, интервью официальных лиц стран-членов ШОС: государственных деятелей, дипломатов, представителей министерств и ведомств, сотрудников международных организаций. Их оценки деятельности организации позволяют сделать выводы о степени эффективности тех или иных инициатив и механизмов, проводимых ШОС, и зафиксировать появление новых векторов в ее повестке безопасности. В этом контексте особенно ценными представляются интервью и выступления 3-х генеральных секретарей ШОС (Чжан Дэгуан, Б. Нургалиев, М.

¹⁶ Совместная российско-китайская декларация о многополярном мире и образовании нового международного порядка//Российская газета от 25 апреля 1997; Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 25.04.1997 URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base552/text552v978i288.htm>; Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26.04.1996 URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base925/text925v168i463.htm>; Соглашение между правительствами Республики Казахстан, Киргизской Республикой, Республики Таджикистан и Российской Федерации о ведении переговоров с правительством Китайской Народной Республики от 08.09.92. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base304/text304v297i489.htm>.

¹⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российской-китайской государственной границе на ее Западной части от 3.09.1994 URL: <http://lawsector.ru/data/dok92/txb92840.htm>; Соглашение между Республикой Казахстан и КНР о казахстанско-китайской государственной границе от 26.04.1994 URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsi/dok_pernsi.htm; Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе от 4.07.1996 URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=4948.

¹⁸ Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК; Долгосрочная стратегия развития Казахстана «Казахстан – 2030»; Закон Республики Узбекистан «Об обороне»; Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г.

Иманалиев), в которых наглядно прослеживаются изменения, происходившие в фарватере «шанхайского процесса». Интервью Генерального Секретаря ОДКБ Н. Бордюжи и Генсеков НАТО (Дж. Робертсон, А. Расмуссен) стали важными источниками для понимания мотивов присутствия этих организаций на рынке услуг безопасности в ЦА.

В четвертую группу источников выделены материалы периодики: «Центральная Азия и Кавказ», «Россия в глобальной политике», «Международные организации», «Международная жизнь», «International affairs», «Foreign affairs», а также информационных агентств: «Интерфакс», «Женьминь Жибао», «Синьхуа».

Тексты большинства изученных в рамках данного исследования документов стали доступными благодаря размещению во всемирной информационной сети – на официальных сайтах государственных структур, международных организаций и в электронных базах данных нормативно-правовых актов¹⁹.

Научная новизна исследования заключается в целостной реконструкции эволюции политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества на основании последовательного применения системного подхода и основных положений концепции «human security». В диссертации впервые выделены внутривнутриполитические и международные факторы трансформации политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества и ее этапы, проанализировано развитие гуманитарного вектора политики безопасности ШОС до 2010 года включительно.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Традиционные акторы международных отношений и классические концепции безопасности, действующие преимущественно в военно-политическом измерении для обеспечения государственной и национальной безопасности, теряют свои позиции в области сохранения суверенитета государства и нации. На современном этапе происходит усложнение структуры и сферы международной безопасности. На политической арене все большую роль обретают международные институты различных форм организации, разрабатываются новые более емкие концепции безопасности: human security.

- После распада биполярной архитектуры международных отношений в Центральной Азии в формате различных многосторонних региональных структурах ведется активный поиск новой парадигмы международной безопасности. В сложившейся обстановке созданный в Центральной Азии по российско-китайской инициативе региональный

¹⁹ ООН www.un.org; Шанхайская организация сотрудничества <http://www.sectsc.org>; ПАТС ШОС www.ecrats.com; Деловой Совет ШОС <http://bc-sco.org>; МИД РФ www.mid.ru; МИД КНР <http://www.fmprc.gov.cn>; Электронные базы данных нормативно-правовых актов: www.arhiv.inpravo.ru; <http://www.base.spininform.ru>; <http://kazakhstan.news-city.info>; www.lawsector.ru.

межправительственный институт – ШОС – приобретает важное значение для успешного развития стран этого региона.

- Применение современных подходов к изучению международных институтов и международной безопасности позволяет выделить в процессе развития политики безопасности ШОС три периода, соответствующие 1996, 2001 и 2006 гг.

- В течение 2000-х г. в динамике межгосударственных взаимодействий в фарватере «шанхайского процесса» происходит постепенное усложнение региональной повестки безопасности, это способствует консолидации деятельности стран-членов ШОС по широкому спектру проблем от антитеррористической деятельности до гуманитарных аспектов региональной безопасности.

- Многовекторная политика безопасности ШОС делает ее востребованной странами ЦАР. В политике безопасности ШОС наблюдается совмещение моделей развития региона и построения коллективной системы безопасности, происходит постепенное смещение проблематики безопасности и развития в сферу «human security». Учитывая, что практически все государства Центральной Азии являются уязвимыми в области гуманитарной безопасности, что деструктивно влияет на другие аспекты безопасности. Развитие сотрудничества по линии human security в рамках ШОС будет отвечать взаимным интересам и должно стать приоритетным направлением сотрудничества в регионе.

- Деятельность ШОС основывается на примате международного права, евразийской внешнеполитической доктрины РФ и стран ЦАР, что отражает многополюсный характер концептуальной базы политики безопасности ШОС.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование представляет собой первое в отечественной исторической науке специальное исследование эволюции политики безопасности ШОС. В теоретическом плане результаты исследования могут быть полезны при анализе деятельности различных международных организаций, участвующих в формировании концептуальных и институциональных основ политики human security.

Тезисы и фактологическое содержание диссертации могут быть использованы в обобщающих работах по истории международных отношений в Центральной Азии, истории международной интеграции и международных организаций, при подготовке учебных и учебно-методических материалов и специализированных курсов по всеобщей истории, международным отношениям, регионоведению, а также в информационно-аналитической работе по прогнозированию эволюции, как российско-китайских отношений в рамках ШОС, так и развития организации в целом.

Результаты исследования применялись в качестве учебно-методического материала для студентов, обучающихся по специальностям «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение», в ходе проведения лекционных и семинарских занятий в рамках спецкурса «Право международной безопасности вчера и сегодня».

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации апробированы на заседании кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета. Промежуточные результаты исследования были представлены в докладах и сообщениях на 4 международных, 5 всероссийских и 4 региональных научно-практических конференциях.

Предварительные результаты исследования опубликованы в статьях общим объемом 4,6 п.л.

Структура диссертации определяется целью, задачами и концепцией исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень изученности выбранной тематики, определяется предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи, хронологические рамки, выявляются основные методологические подходы, характеризуется источниковая база, научная новизна и практическая значимость, апробация работы.

В первой главе «Современные подходы в изучении международных институтов и международной безопасности» обстоятельно рассматриваются традиционные и современные подходы в теории и истории международных отношений относительно таких понятий, как международный институт и международная безопасность, а также раскрываются исходные положения концепции, положенной в основу диссертации.

Первый раздел **«Современные подходы к изучению международных институтов в теории и истории международных отношений»** посвящен анализу эволюции подходов к изучению международных институтов в теории и истории МО.

В исследовании международных организаций господствуют два основных направления изучения международных институтов: теория политического реализма и теория либерального институционализма. В рамках первого подхода (Г. Моргентау, А. Арон, Б. Бузан, Дж. Миршаймер, А. Уолферс) постулируется, что основа международной безопасности обеспечивается «балансом сил». Международные институты во взаимоотношениях государств являются инструментами достижения интересов сильных стран – могущественного меньшинства за счет слабого большинства. Либеральный подход

исходит из теории рационального выбора государств как основных акторов международных отношений, которые, вступая в повторяющиеся взаимодействия, попеременно оказываются то в выигрыше, то в проигрыше. В любом случае многостороннее сотрудничество, по мнению институционалистов А. Аксельрода, Р. Кохейна, Х. Хартендона, Дж. Ная, обеспечивает государствам большие дивиденды и эффективность в продвижении своих интересов, нежели тактика односторонних действий (унилатерализм), основанная на принципе опоры на собственные силы. Международные организации, по мнению представителей данной школы, призваны создать институционально-нормативную базу взаимовыгодного сотрудничества государств в наиболее значимой сфере мировой политики, каковой является обеспечение мира и безопасности.

Из-за спора этих доминирующих парадигм в исследовании истории международных отношений, часто оставались без должного внимания другие концепции. Функционализм и неофункционализм расходятся как с логикой политического реализма, так и с концепциями либерального институционализма. Данная теория концентрирует внимание на выявлении имеющихся у государств групп интересов и путей установления между ними стабильных отношений сотрудничества, на анализе совокупности условий, благоприятствующих появлению наднациональных институтов.

Среди современных исследований международных организаций наиболее ярко выделяется правовое направление, которое рассматривает их в качестве нормативных единиц, задающих общеобязательные правила поведения государств на мировой арене, влияющие на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений. Х. Альварес, Р. Вессель, Я. Воутерс отмечают, что время, когда национальные государства являлись основными и единственными акторами в международном праве и политике проходит. Международные организации определяют тенденцию демократизации и новеллизации современного международного права.

Настоящее исследование исходит из того, что современные международные институты обладают достаточным набором уникальных характеристик и траекторий развития, которые позволяют считать их самостоятельными и независимыми субъектами современной истории международных отношений. В силу этого изучение деятельности международных межправительственных организаций в сфере безопасности требует применения современных методов и дискурсивных практик, адекватных специфике предмета исследования.

Во втором разделе **«Эволюция понимания международной безопасности и способов ее обеспечения»** анализируется соотношение традиционных и современных подходов к изучению различных систем и видов международной безопасности. Акцент сделан на

исследовании новой архитектуры международной безопасности, базовым элементом которой является Human security (безопасность человека).

Традиционно основным объектом анализа историков-международников выступало государство. Главной целью политики безопасности традиционалисты считали выживание, а в идеале – усиление государства. Средством обеспечения государственной безопасности является «жесткая сила», характер и объем которой, в конечном счете, определяется размером военного потенциала страны. Такие подходы к пониманию международной безопасности нашли отражение в теории «гегемонической стабильности» (Р. Гилпин – Р. Кохейн), концепции «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), доктрине «демократического мира» (Дж. Леви – Ф. Фукуяма) и теории «комплексной взаимозависимости» (Дж. Най).

Современное развитие международных отношений выявило ограниченность традиционного понимания безопасности. Во-первых, рост гуманитарных катастроф и трудноразрешимых прежними средствами глобальных проблем привел к появлению новых угроз и вызовов системе всеобщей безопасности: проблемы беженцев, нелегальной торговли оружием, наркотрафика, транснациональной преступности.

Во-вторых, эвристическая и прогностическая значимость, и даже социальная востребованность традиционных концепций безопасности существенно ослабла в ситуации окончания холодной войны. События рубежа XX - XXI вв., сформировавшие новый мировой порядок и новую архитектуру всеобщей безопасности, парадоксальным образом оказались неожиданными и необъяснимыми для специалистов именно в этой области. Историки-традиционалисты не смогли объяснить и природы новых угроз международной безопасности: транснационального сетевого терроризма (хотя и объявили борьбу с ним IV мировой войной), локальных войн и этноконфессиональных конфликтов на территории государств, казавшихся очагом относительной стабильности и процветания.

Наконец, усиленное внимание мировой общественности к вопросам соблюдения прав человека в конце XX века и связанная с этим проблема «гуманитарных интервенций» стимулировали поиск новых концептов международной безопасности, способных обеспечить легитимацию мировым гражданским обществом инструментальной и концептуальной основы вмешательства во внутреннюю компетенцию «преступных государств».

Стремление современной науки международных отношений к выработке новой парадигмы всеобщей безопасности привели к появлению альтернативного подхода к осмыслению существа и способов обеспечения всеобщей безопасности - концепции human security.

На сегодняшний день концепция находится в процессе становления. Из всего многообразия трактовок данного понятия можно выделить две основных. Ряд авторов считает важнейшими характеристиками личностной безопасности стандарты, предлагаемые Организацией Объединенных Наций в Программе развития. ПРООН выстраивает двухуровневую систему безопасности личности. Внешний уровень основывается на весьма широко понимаемой модели развития, где социально-экономический и культурный прогресс объявляется базовой ценностью, на основе которой государство должно обеспечить своим гражданам широкий спектр свобод и общественных благ. Второй уровень личностной безопасности призван гарантировать удовлетворение основных потребностей каждого человека, независимо от его национальной или культурной принадлежности. ПРООН исходит из представления о том, что субъектом Human security выступает любой индивид, следовательно, характер и интенсивность различных угроз его безопасности может варьироваться в весьма широком диапазоне – от угрозы потери работы в условиях финансово-экономического кризиса до опасений стать жертвой этноконфессионального конфликта. Таким образом, все компоненты многоуровневой структуры Human security – глобальные и национальные, социальные и индивидуальные объединены в систему взаимной зависимости и ответственности²⁰.

Другую интерпретацию Human security можно условно назвать интервенционистской. Ее представители исходят из того, что внешняя политика государства не всегда обеспечивает безопасность его граждан, соблюдение основополагающих прав и свобод человека. В связи с этим возникает потребность в действиях международных институтов с целью уменьшения вредоносных последствий внутренних конфликтов и частных войн для населения, даже если эти действия затрагивают суверенные prerogatives государства²¹. Отсюда вытекает необходимость осуществления гуманитарных интервенций и миротворческих операций, гарантирующих безопасность личности в условиях, когда власти национального государства не хотят или не могут выполнить свои охранительные функции и международные обязательства в отношении собственного народа. К апологетам гуманитарного интервенционизма можно отнести и сторонников так называемого «постконфликтного миростроительства» (Б.Б. Гали, А. Паньярачун, Р. Бадэнтер, Д. Ханней).

В рамках концепции безопасности человека происходит пересечение и отчасти слияние интересов развития личности, общества, государства и мирового сообщества. Таким образом, концепция Human security представляется логичным развитием доктрин

²⁰ ПРООН. Доклад о развитие человека 2010, 2011. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/> <http://www.un.org/rus/sian/esa/hdr/2007/>

²¹ Гали Б. Б. Повестка дня для мира. URL: <http://www.un.org/russian/basic/history/milestones/1991-2000.htm>

национальной и международной безопасности, которая связывает стратегию и тактику действий разных акторов международных отношений в процессе разрешения конфликтов и кризисов различной природы и степени интенсивности.

Во второй главе **«Эволюция политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества в ЦАР (1996 – 2006 гг.)»** рассматривается становление нормативной и институциональной базы политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества в Центральной Азии.

В первом разделе **«Политика безопасности, реализуемая ШОС в контексте традиционного подхода к обеспечению международной и региональной безопасности (1996 – 2001 гг.)»** реконструируются традиционные составляющие политики безопасности «Шанхайской пятёрки» на основании анализа документов «Шанхайского форума» и изучения процесса территориального размежевания между бывшими республиками СССР и КНР.

Вынужденное провозглашение независимости в конце 1991 года потребовало от правящих элит ЦА проведения ряда мероприятий для закрепления и легитимизации собственного положения внутри страны, а также обретения признания мировым сообществом в качестве самостоятельных акторов мировой политики.

С 1992 года наблюдалось активное стремление Китая участвовать во внешней политике региона. С целью использования своего геополитического преимущества КНР инициировал переговорный процесс по поводу территориального размежевания с бывшими республиками СССР.

Ответной реакцией России стало избрание коллективной тактики ведения переговоров с участием всех республик Центральной Азии по пограничному урегулированию. В итоге потенциальное преимущество переговорной позиции КНР нивелировалось согласованными действиями дипломатов России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана, так называемой группы 4+1. В ходе переговорного процесса с 1992 по 1997 гг. странам удалось разграничить большую часть территории прохождения государственных границ. Однако для решения проблемы спорных участков границы потребовались более гибкие подходы. В 1996-1997 годах в формате 4+1 были подписаны «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» и «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах». Эти договоры позволили в двустороннем формате в период с 1997 по 2004 завершить наиболее острые территориальные споры относительно прохождения границ на всем протяжении советско-китайской границы.

На первом этапе концептуальная составляющая политики безопасности в рамках «шанхайского процесса» имела ярко выраженный традиционный характер, главной целью

которой являлось обеспечение защиты государства от военной угрозы и целостности государственных границ путем снижения военного присутствия вдоль государственных границ и построения коллективной системы безопасности. В целях обеспечения интересов национальной безопасности страны ШОС на этом этапе активно использовали переговорный процесс в качестве основного инструмента преодоления межгосударственных разногласий.

В это же время происходило формирование двух тенденций, которые сыграли ключевую роль в институционализации регионального сотрудничества в Центральной Азии - сближение международных позиций России и Китая и выдвижение евразийской идеи казахстанского президента Н. Назарбаева.

Во втором разделе **«Поиск новых механизмов обеспечения безопасности Центральной Азии в формате «шанхайского процесса» (2001 – 2006 гг.)»** исследуется второй этап эволюции политики безопасности ШОС, который стал отражением объективных перемен в регионе в целом и характере двусторонних отношений России и Китая как лидеров «шанхайского процесса».

В конце XX века ЦАР напрямую столкнулся с угрозами нового характера. Среди них первостепенной для республик ЦАР стала антиправительственная деятельность экстремистских радикальных исламистских групп типа «Жамаат моджахеды Центральной Азии», Исламское движение Узбекистана, «Хизб ут-Тахрир» и других. Угрозу национальной безопасности и территориальной целостности азиатских государств представляло резкое увеличение наркотрафика, столкновения на национальной почве. Особую обеспокоенность центрально-азиатских правительств вызывало развитие движения Талибан в Афганистане, продвижение идеологии радикального ислама на территорию Центральной Азии и реальная возможность переноса деятельности террористической организации Аль-Каида из Афганистана на территорию ЦАР.

В этих условиях «Шанхайская пятерка» стала рассматриваться ее участниками в качестве системы поддержания стабильности, мира и безопасности в Центральной Азии, т.е. как институт коллективной безопасности по преимуществу. В этот период документально оформилось новое понимание целей и задач политики безопасности ШОС, приоритетом которой стал антитеррористический вектор сотрудничества всех ее членов. Произошла эволюция в понимании актуальных проблем развития региона, который отразился в процессе перехода от традиционной концепции государственной безопасности к расширенному толкованию политики безопасности с учетом прежних и новых, как правило, невоенных, угроз ЦАР в целом и отдельным его государствам в особенности.

Новации в концепции безопасности ШОС нашли отражение в Хартии организации. Документ структурно расширяет политику безопасности Организации, совмещая действия,

направленные на социально-экономическое развитие с одной стороны, и действия, направленные на обеспечение безопасности, с другой.

В Хартии были продекларированы принципы и методы осуществления совместной политики безопасности ШОС, получившие наименование «шанхайского духа». Это понятие включает в себя принципы взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой, принятие решений на основе консенсуса. Специальный акцент был сделан на то, что деятельность ШОС не нацелена против отдельных стран или групп государств. Таким образом, с одной стороны, в документе проявилось сближение позиции ШОС и ПРООН в вопросах обеспечения безопасности, а с другой – нежелание членов ШОС идентифицировать себя в роли военно-политического союза, способного проводить общую внешнюю и / или оборонную политику.

Несмотря на декларативное новаторство в понимании структуры политики безопасности ШОС в 2001-2006 годах, в выступлениях руководителей Организации на ежегодных саммитах прослеживался крен в направлении противостояния «трем силам зла» – терроризму, экстремизму и сепаратизму. Российский опыт противодействия терроризму в Чечне и китайская политика борьбы с сепаратизмом в Синьцзяне проявились не только в практике разработки совместных соглашений государств-членов ШОС в рамках АТЦ, но и в определении понятий «сепаратизма» и «экстремизма» в Конвенции этой организации.

В течение 2001-2006 годов в рамках антитеррористического вектора ШОС можно проследить изменения в понимании, как природы терроризма, так и тактики ведения совместной борьбы с ним. Если в Конвенции 2001 г. еще заметна асимметрия между оборонительными и наступательными методами противодействия терроризму в пользу первых, то в «Концепции сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» 2005 г. отмечается необходимость борьбы не только с терроризмом, но и с причинами, порождающими это деструктивное явление. Признав политику безопасности в ЦАР многовекторной по своей сути и характеру, страны ШОС сделали важный шаг в понимании комплексной природы национальной и региональной безопасности, с одной стороны, и многопрофильного характера самой Организации, призванной обеспечить все ее уровни совместными усилиями членов ШОС, с другой.

В третьем разделе **«Практические результаты осуществления антитеррористического вектора сотрудничества как базового направления деятельности ШОС в 2001 – 2006 гг.»** реконструируются основные этапы политики ШОС, направленной на отражение террористической угрозы. Анализируются практические достижения ШОС в этой сфере и их соответствие региональным и страновым особенностям

терроризма в Центральной Азии. Большое внимание уделяется состоянию и перспективам противодействия в рамках ШОС незаконному обороту наркотиков как финансово-экономической основы терроризма.

Угрозы региональной безопасности и стабильности со стороны терроризма вызваны как внутренними, так и внешними причинами. Терроризм в ЦАР носит трансграничный характер, который охватывает территории практически всех центрально-азиатских государств, с активным участием международных террористических организаций. Главными целями террористических организаций являются: дестабилизация общей ситуации в регионе для облегчения своего прихода к власти, внедрение шариатских форм правления и продвижение идеи единого исламского Халифата. Терроризм Центральной Азии демонстрирует новый тип организации, где в основе лежит сетевая структура с множеством субъектов, находящихся в «горизонтальном» подчинении.

Анализ практической деятельности ШОС в сфере антитеррористической деятельности выявил некоторую несогласованность в выборе тактики ведения борьбы с терроризмом. С одной стороны, членами ШОС был избран «информационно-служебный» метод борьбы против экстерриториальных террористических образований. По линии РАТС ШОС осуществляется разработка правовой антитеррористической базы, информационного взаимодействия и координации среди специальных органов стран-участниц ШОС. В частности, к 2007 году было разработано около 10 документов, регламентирующих и затрагивающих сотрудничество государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, были созданы единые реестры террористических организаций и лиц, объявленных в международный розыск, связанных с преступлениями террористического, сепаратистского и экстремистского характера. РАТС ШОС выпускает специальные ежеквартальные и полугодовые бюллетени в целях информирования государств-членов ШОС о новых тенденциях в сфере борьбы с терроризмом, формах и методах деятельности террористических организаций, а также о мерах, предпринимаемых за рубежом в этой сфере.

В тоже время Организация активно развивает «военно-штабной» метод борьбы с терроризмом, где упор сделан на проведение крупномасштабных военных учений с привлечением большого количества боевой техники и персонала. Характер военных учений («Взаимодействие», «Мирная миссия», «Союз», ««Тянь-Шань» и др.), которые Организация начала проводить с 2002 года, демонстрирует возрастание военной составляющей политики безопасности ШОС. Сценарии антитеррористической борьбы, которые предлагались ШОС в командно-штабных учениях, расходятся со спецификой центрально-азиатского терроризма.

В итоге отсутствие единой стратегии антитеррористической деятельности ШОС отрицательно сказалось на общем развитии и совершенствовании данного направления. Во-первых, сохраняется дееспособность сетевых террористических сред, которые эффективно обходят традиционные военные механизмы противодействия; во-вторых, многократно увеличивается стоимость антитеррористического вектора ШОС, оттягивая дополнительные бюджетные средства стран-участниц. Недостаточно эффективная политика ШОС в сфере антитеррористической деятельности выявила отсутствие у РФ целостного системного подхода к антитеррористическому направлению деятельности Организации, что в конечном итоге может способствовать дискредитации политики безопасности ШОС в целом.

В третьей главе **«Расширение повестки дня региональной безопасности ШОС: факторы изменения политики безопасности ШОС в контексте human security» (2006 – 2010 гг.)** анализируется современный этап развития политики безопасности «шанхайского процесса». Рассматривается деятельность Организации в сфере сотрудничества по социально-гуманитарным и экологическим проблемам региона, влияющим на уровень и качество жизни человека.

В первом разделе **«Гуманитарная безопасность и ее отражение в деятельности ШОС»** раскрываются основные факторы, поставившие проблемы сотрудничества членов ШОС в социально-гуманитарной сфере на повестку дня политики безопасности Организации.

Наибольшее развитие в гуманитарном векторе ШОС получила сфера образования, благодаря реализации с 2010 года уже в практической плоскости проекта Университет ШОС. Инициативу ШОС по развитию высшего образования в ЦАР можно рассматривать в качестве одного из направлений развития безопасности человека в регионе. Данный проект расширяет возможности подготовки профессионалов в наиболее перспективных для взаимовыгодного сотрудничества отраслях, повышает уровень межкультурной коммуникации, создает важный элемент регионального интеграционного процесса стран Центральной Азии, России и Китая.

С 2009 года получила развитие проблематика сотрудничества в сфере здравоохранения, были разработаны две резолюции, которые определили будущие границы сотрудничества стран-участниц ШОС в этой области. Акцент был сделан на трех направлениях. Во-первых, страны ШОС договорились о разработке и внедрении национальных и международных нормативно-правовых стандартов противоэпидемической защиты населения и организации мероприятий по гармонизации нормативно-методической базы стран региона. Во-вторых, был создан Координационный совет по профилактике и борьбе с особо опасными инфекциями государств-членов ШОС, ставший институциональной базой сотрудничества

стран ШОС в этой сфере. Третьим направлением стало кадровое обеспечение сотрудничества в сфере здравоохранения, которое включает разработку совместных программ обучения в системе медицинского образования, подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов.

Можно отметить, что политика безопасности «шанхайского процесса» в этот период сближается с концепцией human security, но это сближение проходит избирательно и неоднородно. Проблемы беженцев, незаконной миграции, торговли людьми весьма остро стоят на повестке дня стран-членов ШОС, но пока остаются за пределами приоритетов политики безопасности государств ЦАР, входящих в состав Организации. В силу излишней политизации, эти проблемы региона привлекают внимание экспертного сообщества стран-участниц ШОС, не получая дальнейшей поддержки на высшем уровне. Такая ситуация с реализацией продекларированного ШОС нового понимания личностной безопасности ограничивает превентивные методы политики ШОС в сфере противодействия терроризму и трансграничной преступности.

Во втором разделе **«Проблемы экологической безопасности и пути ее достижения в деятельности ШОС»** реконструируется процесс формирования экологического вектора сотрудничества стран-членов ШОС. Рассматриваются наиболее актуальные для региона экологические проблемы в зонах экологического бедствия в ЦАР: Аральское море, бассейн реки Амур, промышленное загрязнение Центральной Азии. Несмотря на то, что данные экологические проблемы имеют трансграничный характер и требуют комплексного регионального подхода, они практически не затрагиваются в повестке безопасности ШОС.

На общем фоне тематики экологической безопасности резко выделяется проблема распределения ресурсов пресной воды среди стран Центральной Азии, которая напрямую затрагивает вопросы национальной безопасности и оказывает влияние на состояние региональной безопасности в целом. Национальные инфраструктурные проекты (канал «Иртыш-Карамай», Амбаратинская ГЭС и др.) и законопроекты (закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики») в этой сфере периодически становятся источником политической нестабильности в регионе, осложняя двусторонние отношения между государствами и дестабилизируя межэтнические отношения на уровне межличностного взаимодействия в приграничных районах.

В 2008 году Деловой Совет ШОС сделал первую попытку внедрения проекта экологического страхования, предусматривающего страхование рисков трансграничных загрязнений. Однако вне экологического сотрудничества ШОС до сих пор остаются вопросы

унификации страхового законодательства стран ШОС и создание информационной базы данных о страховой отрасли стран ШОС.

В сфере экологической безопасности одним из приоритетных направлений сотрудничества стран-членов ШОС стала кооперация в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций. В 2005 году было подписан первый правовой акт в этой области - Соглашение между государствами-членами ШОС об оказании помощи в ликвидации чрезвычайных ситуаций, который унифицирует механизм предоставления помощи в случае ЧС. За пять лет странами ШОС был выработан механизм мониторинга и информирования соответствующих ведомств, отработаны способы и формы предоставления гуманитарной помощи, проведен ряд мероприятий по обучению и обмену опытом среди специалистов отрасли. ШОС сформировала трехуровневую систему реагирования на ЧС: международный, центрально-азиатский и межрегиональный уровни. Процесс развития сотрудничества Организации в этой области достиг того этапа, когда для перехода на следующую качественную ступень региональной кооперации необходимо создание единого Центра по реагированию на ЧС. Учитывая динамику глобальных климатических изменений, уже в скором времени страны ШОС будут вынуждены принимать решения о дальнейшей институционализации и укреплении нормативно-правовой базы по этому направлению политики безопасности.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Современное развитие международных отношений выявило несостоятельность традиционных подходов к пониманию природы всеобщей безопасности, ее концептуальных и институционально-нормативных оснований. Концепции миропорядка, получившие развитие после окончания «холодной войны» и распада двухполюсной архитектуры мира, смогли отстраниться от наследия биполярной риторики и излишней геополитической нагрузки. Это позволило представителям научного сообщества предложить не только новые пути изучения истории международных организаций, но и способы реализации проводимой различными международными институтами политики обеспечения региональной и всеобщей безопасности.

Концепция Human security, отталкиваясь от понимания безопасности личности как главной цели национальной и международной политики, предлагает новую иерархию глобальной безопасности, фундаментом которой является индивид как субъект Human security. Государство, ответственное за обеспечение национальной и личностной безопасности, является средним, а международное сообщество, стремящееся к поддержанию мира и всеобщей безопасности – высшим звеном этой единой системы.

По мере эволюции политика безопасности ШОС, проводимая в фарватере «шанхайского процесса», постепенно сближалась с концепцией Human security ПРООН. Можно выделить три этапа в ее развитии. Период с 1996 по 2001 гг. характеризуется стремлением к разрешению территориальных споров между государствами Центральной Азии на основании традиционных представлений о безопасности как стратегии суверенного государства, которое дипломатическими средствами, на основе соблюдения принципов территориальной неприкосновенности и нерушимости признанных международными договорами границ, обеспечивает интересы национальной безопасности и развития. Выбор консенсуального механизма принятия решений странами ШОС позволил им в 1996-2001 гг. достичь разрешения территориальных споров, обеспечив стабильность на всем протяжении бывшей советско-китайской границы.

Параллельно происходили серьезные трансформации внешнеполитических курсов ведущих стран региона. К началу тысячелетия развитие отношений между Россией и Китаем достигли уровня стратегического партнерства, оформилась евразийская идея президента Казахстана Н. Назарбаева. Эти два фактора сыграли важную роль в процессе институционализации «Шанхайской пятерки».

Второй этап эволюции политики безопасности ШОС в 2001 - 2006 гг. стал закономерным развитием двухсторонних отношений России и Китая. Катализатором многостороннего регионального сотрудничества государств ЦАР, РФ и КНР стала эскалация конфликта в Афганистане, сопровождавшаяся высокой активностью радикальных исламистских группировок, представлявших угрозу стабильности политических режимов Центральной Азии. На этом этапе произошла существенная корректировка политики безопасности ШОС, нашедшая подтверждение в основополагающих документах Организации и действиях ее членов. Политика ШОС продемонстрировала переход от традиционного понимания безопасности как политики, направленной на защиту национально-государственных интересов, к концепции, ставящей во главу угла нейтрализацию угроз безопасности человека в форме терроризма, экологических катастроф, эпидемий инфекционных заболеваний, нелегального оборота оружия и наркотиков, неконтролируемой миграции.

На этапе 2001-2006 гг. члены ШОС осознали взаимосвязь проблем развития и безопасности. В своих резолюциях (декларации о создании ШОС, Хартии ШОС, антитеррористической Конвенции, концепции антитеррористической деятельности.) Организация признала, что уровень социально-экономического, научно-технического и гуманитарного развития каждой страны оказывает непосредственное влияние на уровень безопасности региона в целом. Проблемы противодействия терроризму, незаконному

обороту наркотиков, нелегальной миграции, обеспечения прав и свобод человека были поставлены членами ШОС в один ряд с вопросами сотрудничества в сфере торговли, инвестиций, развития транспортной и энергетической инфраструктур.

Большое внимание в политике безопасности ШОС на этапе 2001-2006 гг. уделялось антитеррористическому сотрудничеству. Однако практика антитеррористической деятельности ШОС демонстрировала отсутствие целостного системного подхода и стратегии борьбы против терроризма, сепаратизма и экстремизма. Это проявилось в реставрации военного подхода к организации штабных учений «Мирная миссия», начиная с 2005 года. В тоже время Организация пыталась развивать информационно-правовое сотрудничество между спецслужбами стран-участниц ШОС в противодействии сетевым террористическим структурам Центральной Азии. Такое расхождение в антитеррористической стратегии приводило к частичной дискредитации и снижению эффективности политики безопасности ШОС, равно как и к увеличению ее финансирования.

Конфликты в Чечне и Синьцзяне усилили силовую компоненту политики противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму, что нашло отражение как в концепции антитеррористической деятельности ШОС, так и в политике национальной безопасности, проводимой членами Организации.

С 2006 года в повестке безопасности ШОС происходила заметная корреляция. Параллельно с антитеррористическим вектором получили развитие различные сферы гуманитарной безопасности, появились перспективные области взаимовыгодного сотрудничества, по которым нет противоречий и разногласий среди стран-членов ШОС, а, следовательно, они обладают большими шансами на успех реализации в формате региональной кооперации.

Странами ШОС была выработана единая правовая основа сотрудничества в деле ликвидации последствий ЧС, на постоянной основе проводятся семинары сотрудников служб ЧС по обмену опытом и повышению квалификации. Можно предположить, что в ближайшей перспективе будет создан Центр ШОС по предупреждению и ликвидации ЧС и Совет руководителей чрезвычайных служб государств-членов ШОС.

В сфере образования инициирован проект создания Университета ШОС, который с 2008 – 2009 гг. прошел стадию предварительного анализа и проектирования, а с 2010 г. началась подготовка магистрантов по пяти специальностям. Проект УШОС можно считать первой попыткой формирования единого евразийского образовательного пространства, который частично нивелирует последствия кризиса сферы образования на постсоветском пространстве, увеличивает уровень межкультурной коммуникации и расширяет возможности доступа к высшему образованию молодежи стран ШОС.

С 2009 года страны ШОС стремились развивать взаимовыгодное сотрудничество в сфере здравоохранения и предупреждения распространений инфекционных заболеваний. В рамках ШОС подписаны две резолюции, определившие архитектуру будущего взаимодействия стран ЦАР в этой сфере.

Концепция безопасности ШОС с 2006 года начала охватывать не только вопросы национальной безопасности и защиты государства, но и получила гуманитарное наполнение, которое концентрируется вокруг безопасности человека и улучшения уровня и качества жизни людей. Подобное развитие политики безопасности ШОС сближает ее с пониманием безопасности ПРООН. Однако, несмотря на то, что работа ШОС в области обеспечения безопасности личности ведется по широкому спектру направлений, сохраняется избирательный подход к ее практической реализации. Многие проблемы безопасности личности, будучи достаточно проработанными на уровне экспертного сообщества, не обладая поддержкой политического лобби и структур гражданского общества, остаются за пределами содержания базовых документов и резолюций ШОС.

Акцент ШОС на развитии human security является наиболее актуальным путем для дальнейшего развития Организации в частности, и для становления региональной безопасности в общем. Данное направление безопасности находится вне геоэкономической и военно-политической риторики, что сильно снижает уровень противоречий среди стран региона и позволяет осуществлять практические шаги без политического торга. Результативное развитие гуманитарного вектора в среднесрочной перспективе положительно скажется и распространиться на другие сферы жизнедеятельности региона: экономику, энергетику, военно-политическую сферу.

Дальнейшая гуманитаризация политики безопасности ШОС является ключом для самоидентификации Организации на региональном рынке услуг безопасности. ШОС имеет все шансы заявить о себе в качестве одного из немногих игроков-новаторов на международной арене и в ЦАР, который занимается подобными вопросами и способен предложить адекватные способы стабилизации обстановки в регионе. Главный вопрос заключается в том, сумеет ли Организация привлечь необходимые политические и административные ресурсы для целенаправленного продвижения нового понимания природы региональной безопасности и механизмов ее обеспечения силами членов ШОС.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статья в журнале, рецензируемом ВАК:

1. Борисов, Д.А. Безопасность человека в современной теории и практике международных отношений [Текст] / Д.А. Борисов // Вестник Томского государственного университета. - №343 (февраль 2011). – С. 79-82 (0,4 п. л.).

Прочие публикации:

2. Борисов, Д.А. Эволюция американской позиции относительно Шанхайской организации сотрудничества [Текст] / Д.А. Борисов // Россия, Запад и Восток: традиции, взаимодействия, новации. V Международная научно-практическая конференция г. Владимир, 22-24 октября 2009 г. – Владимир, 2009. – С. 36-39 (0,4 п. л.).

3. Борисов, Д.А. Университет ШОС: становление единого образовательного пространства [Текст] / Д.А. Борисов // Германия – Россия – Китай: Образование, наука, инновации. Международная научно-практическая конференция г. Томск, 24-26 февраля 2010. – Томск, 2010. – С. 189-194 (0,6 п. л.).

4. Борисов, Д.А. Экологическое сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества [Текст] / Д.А. Борисов // История и культура дальневосточной России и стран АТР. XII Всерос. науч. конф. молодых ученых, 19–21 апреля 2010 г., Владивосток : программа и тезисы / Отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – С. 22-27 (0,6 п. л.).

5. Борисов, Д.А. ШОС: теория антитеррористической деятельности [Электронный ресурс] / Д.А. Борисов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. - М.: МАКС Пресс, 2010.

6. Борисов, Д.А. Шанхайская организация сотрудничества: состояние и перспективы энергетического сотрудничества в Центральной Азии [Текст] / Д.А. Борисов // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. – Барнаул, 2010. – С. 92-98 (0,7 п. л.).

7. Борисов, Д.А. Энергетический вектор безопасности в деятельности ШОС [Текст] / Д.А. Борисов // Восток-Запад: проблемы взаимодействия. – Новосибирск, 2010. – С. 221-227 (0,7 п. л.).

8. Борисов, Д.А. ШОС: деятельность в области экологического сотрудничества [Текст] / Д.А. Борисов // Актуальные вопросы истории, международных отношений и документоведения. – Томск. 2011. – С.73-74 (0,2 п. л.).

БОРИСОВ ДЕНИС АЛЕКСЕЕВИЧ

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШАНХАЙСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (1996 – 2010 гг.)**

Подписано в печать 12.10.2011.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная
Объем 1,43 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ 250

Отпечатано в типографии